

ПРАГМАТИКА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕРМИНА В СВЕТЕ НОВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Термин «прагматика», введённый в научный обиход Ч. Моррисом и обозначавший в рамках его семиотической концепции отношение между знаком и пользователем знака, был через короткое время усвоен логикой, где в прочной связке с семантикой был адаптирован для решения задач, связанных с определением условий истинности, теорией возможных миров и т.п. Показательна в этом отношении трактовка прагматики Р. Монтегю, который призывал её следовать образцу семантики – или её версии – теории моделей, рассматривающей прежде всего понятия истины и выполнимости (в модели или при интерпретации). «Следовательно, прагматика будет использовать сходные понятия, хотя теперь мы будем говорить об истине и выполнимости не только по отношению к определённой интерпретации, но и в некоторой ситуации использования» [Монтегю 1981б: 224]. Идентичные задачи автор ставит перед прагматикой (и семантикой) и в другой своей работе [Монтегю 1981а: 255].

Как отмечают Дж. Серль, Ф. Кифер и М. Бирвиш, для Ч. Морриса и Р. Карнапа мотивацией для введения термина «прагматика» послужило стремление отграничить прагматику от синтаксиса (синтактики) и семантики. В соответствии с ранними воззрениями Морриса на суть этого разграничения, синтактика изучает формальные отношения знаков друг к другу. Семантика изучает отношения знаков к объектам, к которым эти знаки приложимы. А прагматика изучает отношения знаков к интерпретаторам. Но данную дистрикцию между семантикой и прагматикой Серль с соавторами оценивают как совершенно неудовлетворительную. Причину этого они видят в том, что, например, строго говоря, вышеприведённые определения своим следствием будут иметь тот факт, что прагматика является частью семантики, поскольку знаки явно приложимы к своим интерпретаторам. Позже Моррис предложил новую формулировку, определив прагматику как отрасль семиотики, которая занимается изучением происхождения, использования и результатов использования знаков. Карнап вслед за ранней позицией Морриса, дал следующее определение, которое оказало большое влияние на последующих авторов: «Если в исследовании имеет место прямая референция к говорящему, или, если представить это в более общем виде, к пользователю языка, тогда мы относим его (исследование) к области прагматики... Если мы абстрагируемся от пользователя языка и начнём анализировать только выражения и их десигнаты, то мы попадём в область семантики. И если, наконец, мы абстрагируемся также и от десигнатов, и начнём анализировать только отношения между выражениями, мы попадаем в сферу (логического) синтаксиса. Вся лингвистика, состоящая из перечисленных частей, называется семиотикой» [Searle, Kiefer, Bierwisch 1980: VIII].

Имея в виду эти определения (или недостатки в определениях) Морриса и Карнапа, в настоящее время можно выделить по крайней мере три более или менее традиционных подхода к прагматике. Они возникли в недрах формальной философии, лингвистической семантики и философии обыденного языка. Различия в этих подходах, имеющие корни в соответствующих традициях и ориентациях, в основном предопределяются различными взглядами на природу значения, дающие почву для установления различных взглядов на соотношение семантики и прагматики. Ключевыми понятиями в данных концепциях значения являются денотация, смысл и использование лингвистического выражения. Первая традиция, являющаяся прямым преемником Карнапа – это формальная философия и логика, представленная в трудах таких авторов, как Монтегю, Льюис, Крессвелл (см., например, уже упомянутые работы Монтегю, а также [Cresswell 1988; Cresswell 1996]). В соответствии с этой точкой зрения, язык представляет собой интерпретативную систему, где данная интерпретация приписывает денотацию каждому выражению, принадлежащему системе. В этой концепции значение выражения объясняется в терминах объектов, которые данное выражение обозначает. Прагматика, в таком случае, касается того, каким образом интерпретация синтаксически определённых выражений зависит от отдельных условий их употребления в контексте. Вторая традиция, по контрасту с первой полагает смысл (в его логическом истолковании), а не денотацию, центральным понятием семантики. В соответствии с этой концепцией, значение выражения определяется смысловыми отношениями (такими как синонимия, антонимия, вывод и т.д.), в которые оно входит с другими выражениями внутри системы. С этой точки зрения, смысл выражения может быть определён как его контекстуально-свободное, буквальное значение в отличие от контекстно-зависимого, актуального значения высказывания данного выражения. Семантика в соответствии с данной традицией изучает все аспекты буквального значения предложения и других выражений. В то время как прагматика изучает условия, в соответствии с которыми говорящие и слушающие определяют контекстуально-зависимые и узусносвязанные значения высказываний. В третьей традиции, представленной именами Г. Грайса, Дж. Остина, Дж. Серля¹ (см., например, [Грайс 1985; Серль, Вандервекен 1986; Searle 1970; Austin 1962]), берущей начало частично в работах позднего Л. Витгенштейна [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994], центральным понятием в теории значения является использование выражений данного языка. Это, в свою очередь, объясняется в терминах конвенциональных интенций говорящих

¹ А также, возможно (хотя и в меньшей степени), З. Вендлера [Вендлер 1985].

при использовании этих выражений. Хотя в данной традиции термин «прагматика» эксплуатируется куда реже, чем термин «речевой акт», думается, что именно эта традиция послужила стимулом, создала необходимые предпосылки и предоставила изначальную точку отсчёта для исследования прагматики лингвистической.

Очевидно, именно это последнее обстоятельство имеет в виду Т. ван Дейк, когда отмечает, что в лингвистику прагматика пришла иным путём, нежели семантика. Автор указывает, что в отличие от семантики (за исключением, возможно, контекстуальной семантики) прагматическая теория едва ли имеет свои корни в логике. Она берёт начало в философии языка и теории речевых актов, в частности, в конверсационном анализе, а также в межкультурных различиях, отражающихся в речевых взаимодействиях, так, как они трактуются в социальных науках [Dijk 1977: 189]. Однако и в лингвистике встречаются иногда попытки увязать рассмотрение проблем прагматики с анализом некоторых чисто логических вопросов. Так, П. Сгалл с соавторами неоднократно говорят о невозможности абстрагироваться от прагматического фактора при решении вопроса об условиях истинности предложения [Sgall, Hajičová, Panenová 1986: 12; 33-34]. Всё же такая точка зрения на прагматику, как будет показано ниже, не отражает тенденций исследования прагматики языка, проявившихся к настоящему времени.

Одной из важнейших таких тенденций является широкое понимание прагматики как изучающей условия использования языка коммуникантами в актах речевого общения; эти условия включают в себя коммуникативные цели собеседников, время и место речевого акта, уровень знаний коммуникантов, их социальные статусы, психологические и биологические особенности, правила и конвенции речевого поведения, принятые в том или ином обществе и т.д. При этом полагается, что лингвистическая прагматика охватывает несколько фундаментальных направлений: учение о речевых актах; исследование правил и конвенций речевого общения (речевые акты при этом выступают как своего рода алфавит, к которому и применяются данные правила); анализ характера знаний и информационных потребностей коммуникантов [Богданов 1996]. При рассматриваемом широком подходе прагматика представляет собой ядро деятельностной лингвистики, т.е. такой которая, по мнению С.А. Аристова и И.П. Сусова отправляется от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель «второй» роли [Аристов, Сусов 1999: 2]. Широким социокультурным взглядом на прагматику характеризуется и концепция К. Кэндлина, согласно мнению которого любой прагматический подход содержит возможность объяснения того, как в данном обществе или культуре, в том или ином речевом событии и виде деятельности коммуниканты подвергают ценностному анализу свои высказывания и как подвергаются ценностному анализу их собственные высказывания. В качестве программы исследования Кэндлин формулирует задачу регистрировать то, что говорят люди и производить лингвистический, или, как подчёркивает автор, прагматический анализ, а также попытаться предложить объяснение того, почему они говорят то, что они говорят, почему они имеют в виду X, произнося Y, соединяя с помощью экспланаторной прагматики системы идей говорящих, системы их ценностей и верований [Candlin 1983: IX]. Широкое понимание прагматики исповедует также К. Фредериксен, трактующий её в рамках теории зависимости порождения и интерпретации связанного дискурса от коммуникативного контекста [Frederiksen 1977: 320].

Прагматика в изложенном выше понимании представляет собой «движущую силу», «каркас» языка и играет ведущую роль по отношению не только к его синтактике, но и к семантике. Разумеется, строевые, конструктивные свойства языка (синтактика в широком смысле) являются первейшим условием его функционирования, так как обеспечивают то регулярное и типическое, без отсылки к которому передача информации от одного индивидуума к другому была бы невозможна. Не будь язык обеспечен техническим аппаратом своего построения, каждое новое сообщение нам необходимо было бы создавать новыми средствами [Почепцов (мл.) 1987: 6]. Однако язык есть не только и не столько структура «Более того, структурность вообще является вторичным признаком, следствием необходимости успешного функционирования. Структурность (повторяемость) представляет собой средство адекватной коммуникативной передачи... Несмотря на то, что структурность необходима для общения, одной её недостаточно, чтобы общение имело место» [Почепцов (мл.) 1987: 6-7].

Что касается семантики, то и она оказывается в подчинённом положении по отношению к прагматике. Наличие значимостной стороны в языке важно не само по себе, а как средство активации в сознании коммуникантов лежащих за языковыми значениями концептов, ревизии и пополнения структур знания, трансляции идей и смыслов, коррекции оценок, верований и убеждений, стимулирования поведенческой реакции и т.п. – короче говоря, всего того, что является неизмеримо более важным и ценным для духовной жизни человека, чем сами по себе значения языковых единиц. Неслучайно поэтому, различая в содержательной структуре предложения семантические и прагматические аспекты, И.П. Сусов без малейшего сомнения признаёт ведущую роль за прагматическим аспектом [Сусов 1980: 5]. Утверждая, что в основании языка лежит прагматико-эгоцентрический фактор, т.е. фактор интересов-целей и позиция я-говорящего, М.В. Никитин также имеет в виду не уровневую структуру языка, каковую справедливо полагает вторичной и производной от указанного фактора, а базисный принцип строения и функционирования языка [Никитин 1996: 715].

Означает ли сказанное, что базовое для лингвистики понятие значения (традиционный объект семантики) вытесняется на периферию научных интересов, становится менее релевантным, «растворяясь» в идеях и методах, предлагаемых прагматикой? Анализ соответствующей литературы наталкивает на отрицательный ответ на данный

вопрос, однако невозможно не видеть, что утверждение в правах прагматического взгляда на язык повлекло за собой и существенную модификацию теории значения.

Реинтерпретация значения осуществляется в нескольких плоскостях. Одни авторы само значение отныне считают включающим два аспекта – семантический и прагматический (к последним относят, например, референциальные индексы, модальности и времена) [Sgall, Hajičová, Panenová 1986: 12]. Другие «дробят» значение, проводя границу между семантическим значением и прагматическим значением. Так, Дж. Лич говорит о том, что и семантика, и прагматика занимаются значением, но разница между ними может быть прослежена, исходя из двух различных значений глагола «to mean» («значить»): 1. What does X mean? (“Что значит X?”) и 2. What did you mean by X? (“Что вы имели в виду, говоря X?”). Семантика традиционно имеет дело со значением как двоичным отношением, как в первом примере, в то время как прагматика имеет дело со значением как триадическим отношением, как во втором примере. Таким образом, значение в прагматике определяется по отношению к говорящему или пользователю языка, в то время как значение в семантике определяется исключительно как свойство самих выражений в данном языке, в отвлечении от отдельных ситуаций, говорящих или слушающих [Leech 1983: 5-6].

Такая позиция не находит поддержки у М.В. Никитина, который вообще полагает, что между семантикой и прагматикой отсутствуют жёсткие разграничительные линии: семантика прагматизируется, прагматика семантизируется. Под прагматизацией семантики автор имеет в виду её субъективизацию, уход от объективистских представлений об устройстве языка, навязанных формальной логикой;² под семантизацией прагматики понимается процесс усвоения прагматикой семантически релевантной проблематики. «С очевидностью выявляется невозможность практически разграничить семантику и прагматику по предмету на основе того определения, что предмет семантики очерчивается отношениями знака к денотату и сигнификату, а предмет прагматики – отношениями между знаками и их пользователями. Классификационно-идентифицирующие возможности этого определения иллюзорны в силу крайней расплывчатости, операционной всеядности термина «отношение». Каждый раз он значит иное: знак не относится к денотату сам по себе, а его скорее к нему относят, или же денотат соотносят с неким знаком; знак не относится к сигнификату, а скорее связан с ним, вызывает, актуализирует его в сознании» [Никитин 1996: 716-717]. При таком развороте трудно ожидать сколько-нибудь последовательного разграничения (не говоря о противопоставлении) значения семантического и значения прагматического: существует контингентная сторона языка, обращённая человеком к миру, в котором «фактор человека» и «фактор мира» ясному разграничению не подлежат.

Если всё же оставаться на позициях, с которых условное и нежёсткое разграничение между семантикой и прагматикой признаётся правомерным, то столь же правомерным можно признать и разграничение между значением семантическим и значением прагматическим. Первое выделимо как в рамках отдельного слова и словосочетания, так и предложения. Второе выделимо только на уровне предложения, причём не предложения–модели или предложения–образца, а предложения–высказывания, т.е. реального сегмента речевой цепи, погружённого в безбрежный океан контекстно-ситуационных факторов, детерминирующих актуальную речь. Если же ограничиться уровнем предложения–высказывания, то и здесь нежёсткое разграничение семантического и прагматического компонентов значения возможно. Оно реализуется в форме противопоставления языковой компетенции и коммуникативной компетенции.

Как указывает М. Канэйл, с момента введения Хаймсом в середине 60-х термина «коммуникативная компетенция», данный термин пользуется всё большей популярностью среди преподавателей, исследователей и вообще всех тех, кто интересуется языком [Canale 1983: 2]. Данный термин, как отмечают пражские учёные, покрывает собой явления, известные со времени появления работ Остина, Грайса и Серля под именем конвенциональных постулатов и импликаций, предварительных условий речевых актов и т.д. [Sgall, Hajičová, Panenová 1986: 12]. В исследованиях последних десятилетий противопоставление коммуникативной (прагматической) и языковой (лингвистической) компетенции принимает разный вид, облекается различной терминологической оболочкой, но становится почти обязательным при попытках оттенить область прагматики.

Так, Т. ван Дейк привязывает рассмотрение данной проблемы к вопросу об интенциональности речи. Успешность с точки зрения интенции, по его мнению, должна быть определена в широком смысле, а именно таким образом, что результатом иллокутивного акта является не некоторое высказывание (продукт), но некоторое планируемое («intended») состояние слушающего, к которому приводит понимание высказывания, при этом изменение состояния квалифицируется как эпистемическое: слушающий на данный момент знает, что говорящий обещает, советует и т.д. В этом случае мы говорим, что иллокутивный акт полностью успешен с точки зрения намерения. Он будет не полностью, но частично успешным с точки зрения намерения, если слушающему не удалось понять иллокутивное намерение говорящего, даже если он и понял, что было сказано [Dijk 1977: 198].

² Ср., однако, следующее понимание субъективности и субъективизации: субъективность понимается как выражение себя и представление в дискурсе точки зрения говорящего (или, в более общем смысле, локутивного агента) – то, что называется фактором говорящего. В свою очередь, субъективизация относится к структурам и стратегиям, которые возникли в языке для лингвистического выражения субъективности или для релевантных процессов лингвистической эволюции [Finegan 1995: 1].

Здесь прослеживается явное сходство с вводимым Дж. Лакоффом противопоставлением буквального и фактического значения предложения. По Лакоффу фактически выражаемые значения предложений выводятся из их буквальных значений, взятых совместно с постулатами речевого общения, при условии принятия перформативного анализа и контекстно-зависимого следования [Лакофф 1985: 465].

Противоположение языковой компетенции коммуникативной преломляется у Г.Г. Почепцова в виде последовательно разграничиваемого им содержания предложения и передаваемым предложением сообщением. Считая, что содержание предложения является принадлежностью синтаксической семантики, автор полагает, что оно связано с лексической семантикой, лексическими заполнениями в виде конкретных слов. «Именно в этой области предлагаются различного рода «правила сложения слов». Допустим, что подобные правила созданы, и мы можем перейти от значений слов к содержанию предложения. Однако оказывается, что на уровне общения одного содержания всё равно недостаточно. На данном содержании может быть построено большое число разнообразных соотношения сообщений и содержания: их совпадение («фокусировка») и различие, частичное пересечение («расфокусировка») [Почепцов (мл.) 1987: 13-14]. При этом отмечается, что возможны два основных варианта соотношения сообщений и содержания: их совпадение («фокусировка») и различие, частичное пересечение («расфокусировка») [Почепцов (мл.) 1987: 15]. Отсюда видно, что операции, связанные с конструированием и интерпретацией содержания предложения ассоциируются с языковой компетенцией человека, а операции, связанные с конструированием и интерпретацией сообщения ассоциируются с его коммуникативной компетенцией.

Таким образом, при постулировании (очень осторожном) разграничения между семантикой предложения и его прагматикой вырисовываются два ряда противопоставляемых друг другу понятий: с одной стороны, буквальное значение предложения, содержание предложения, языковая компетенция, факультативная реализация речевой интенции и т.п.; с другой, фактическое значение предложения, передаваемое предложением сообщение, коммуникативная компетенция, облигаторная реализация речевой интенции и т.п. Списки, разумеется, не закрыты и могут быть с лёгкостью дополнены при реферировании относящейся к данному вопросу литературы. Например, факт валентностной детерминации глаголом-сказуемым подлежащего можно было бы отнести к явлениям семантического порядка, а факт отсутствия детерминации глаголом-сказуемым топика – к явлениям коммуникативно-прагматического порядка [Ли, Томпсон 1982]. Как бы то ни было, представляется теоретически оправданным изолированное рассмотрение области лингвистической прагматики как изучающей процессы реального коммуникативного взаимодействия между людьми. Контуры такого взаимодействия, как оно видится с точки зрения прагматики, удачно очерчены Т. Виноградом, который полагает, что говорящий конструирует предложения, предвосхищая то, как слушающий проинтерпретирует их, а слушающий интерпретирует их в свете гипотез об интенции говорящего. При этом интерпретация дискурса предполагает использование общих знаний о природе речевого взаимодействия. Существуют разговорные импликатуры, которые создаются исходя из предположения, что говорящий вовлечён в процесс общения и что высказывания релевантны, информативны и полагаются истинными [Winograd 1977: 67, 82].

Прагматика, играющая определяющую роль по отношению к семантике, представляет собой и самый высокий уровень планирования при конструировании высказывания. Как пишет Виноград, процесс конструирования высказывания включает несколько процессов, которые можно приблизительно сгруппировать по следующим трём уровням. Первый уровень предполагает определение набора слов, порядка их следования, интонационных моделей и т.п., которые можно скомбинировать в отдельные высказывания, и которые передают необходимое сообщение в соответствии с целями, устанавливаемыми на более высоких уровнях кодирования. Второй уровень предполагает решение вопроса о том, какие ещё промежуточные цели следует установить, чтобы достичь конечной цели коммуникации. Эти промежуточные цели включают установление референции к объектам, фокусирование внимания слушающего и передачу информации, релевантной для той модели, которая уже имеется в сознании слушающего. Для слушающего необходимо иметь адекватную модель происходящего акта коммуникации с тем, чтобы знать что необходимо сделать для того, чтобы достичь каждую из указанных целей. Третий уровень предполагает понимание того, какой эффект результирующее предложение возымеет на слушающего, модификацию предложения с тем, чтобы создать правильные коннотации, избежать двусмысленностей и привести к правильным ожиданиям относительно того, что последует за данным высказыванием [Winograd 1977: 69]. Отсюда ясно, что «прагматическое планирование» задаёт изначальный стратегический вектор конструирования речевого высказывания, а «семантическое планирование» отвечает за решение более частных, тактических задач речепроизводства.

Сказанное, думается, достаточно убедительно свидетельствует о том, что термин «прагматика» в его изначальной семиологической интерпретации принципиально непреложим к явлениям языка. «Прагматика» в моррисовском смысле является, возможно, удобным технологическим термином, покрывающим область отношения человека с любой другой знаковой системой, кроме языковой, так как последняя специфична в том плане, что, во-первых, неотчуждаема от человека, ингерентно ему присуща, и сама является в известном смысле признаком человека, а, во-вторых, не создаётся человеком искусственно и в основном не носит конвенционального характера: люди не договариваются между собой о придании такого-то значения таким-то словам или синтаксическим конструкциям подобно тому, как они могут договориться о значениях и правилах функционирования любой другой знаковой системы. Естественным поэтому представляется происшедшее за

последние годы переосмысление рассматриваемого термина – ныне под прагматикой понимается не только и не столько интенциональность речи (даже в смысле философов, стоящих близко к лингвистике, таких как, например, Дж. Сёрль [Searle 1983]), сколько глобальные стратегии коммуникативной деятельности людей, описываемые в терминах максим речевого общения, конвенционных правил, речевых актов и т.п.

- АРИСТОВ С.А., СУСОВ И.П., 1999. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // <http://homepages.tversu.ru/~susov/Aristov.htm>.
- БОГДАНОВ В.В., 1996. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты // Прикладное языкознание. СПб.
- ВЕНДЛЕР З., 1985. Иллокутивное самоубийство // НЗЛ: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.
- ВИТГЕНШТЕЙН Л., 1994. Философские работы. Часть 1. М.
- ГРАЙС Г.П., 1985. Логика и речевое общение // НЗЛ: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.
- ЛАКОФФ ДЖ., 1985. Прагматика в естественной логике // НЗЛ: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.
- ЛИ Ч.Н., ТОМПСОН С.А., 1982. Подлежащее и топик: новая типология языков // НЗЛ: Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.
- МОНТЕГЮ Р., 1981а. Прагматика // Семантика модальных и интенциональных логик. М.
- МОНТЕГЮ Р., 1981б. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик. М.
- НИКИТИН М.В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.
- ОСТИН ДЖ. Л., 1986. Слово как действие // НЗЛ: Вып. 17. Теория речевых актов. М.
- ПОЧЕПЦОВ Г.Г. (мл.), 1987. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев,
- СЁРЛЬ ДЖ., ВАНДЕРВЕКЕН Д., 1986. Основные понятия исчисления речевых актов // НЗЛ: Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.
- СУСОВ И.П., 1980. Семантика и прагматика предложения. Калинин.
- AUSTIN J.L., 1962. How to do things with words. Cambridge (Mass.).
- CANALE M., 1983. From communicative competence to communicative language pedagogy // Language and Communication. London; New York.
- CANDLIN C.N., 1983. Preface // Language and Communication. London; New York.
- CRESSWELL M.J., 1996. Semantic Indexicality. Dordrecht, etc.
- CRESSWELL M.J., 1988. Semantical Essays: Possible Worlds and Their Rivals. Dordrecht, etc.
- DIJK T.A. van, 1977. Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London; New York.
- FINEGAN E., 1995. Subjectivity and subjectivisation: an introduction // Subjectivity and subjectivisation. Linguistic perspectives. Cambridge.
- FREDERIKSEN C.H., 1977. Structure and Process in Discourse Production and Comprehension // Cognitive Processes in Comprehension. – Hillsdale, New Jersey.
- LEECH G.N., 1983. Principles of Pragmatics. – London; New York.
- SEARLE J.R., 1983. Intentionality: An essay in the philosophy of mind. – Cambridge, etc.
- SEARLE J.R., 1970. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge.
- SEARLE J.R., KIEFER F., BIERWISCH M., 1980. Introduction // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, etc.
- SGALL P., НАЈІЧОВА Е., PANENOVÁ J., 1986. The Meaning of the Sentence in Its Semantic and Pragmatic Aspects. Dordrecht, etc.
- WINOGRAD T., 1977. A Framework for Understanding Discourse // Cognitive Processes in Comprehension. Hillsdale, New Jersey.
- WITTGENSTEIN L., 1953. Philosophical investigations. Oxford.

SUMMARY

A.A.Khudyakov

The article deals with the development of the theory of pragmatics. Linguistic pragmatics is traced back to the original works by J.Austin, J.Searle, G.Grice whose writings drew upon the philosophical ideas of L.Wittgenstein. The correlation between semantics and pragmatics is considered in detail; the difference between language competence and communicative competence is commented upon. The author concludes with stating the supremacy of pragmatics over semantics.